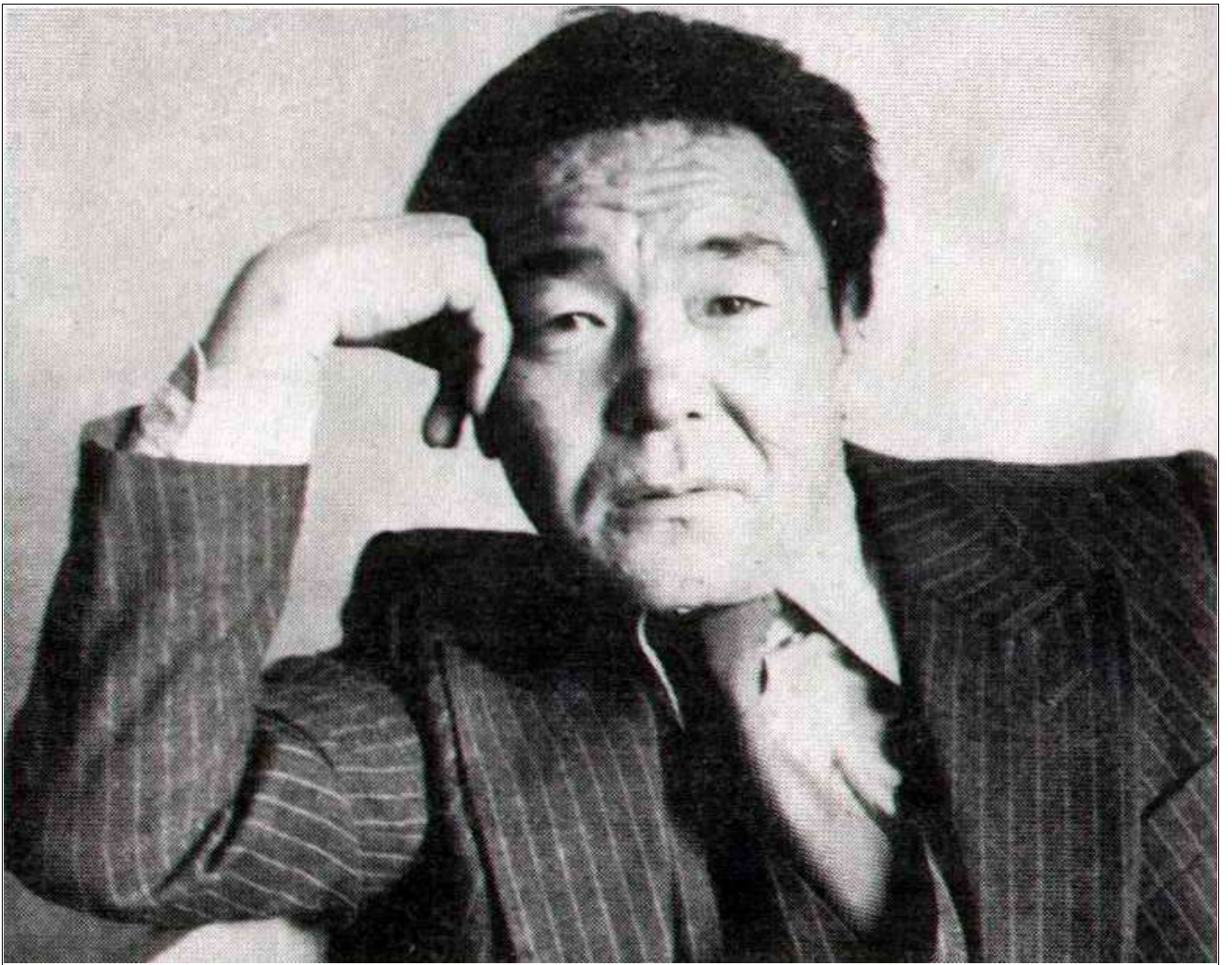

**БОРИС
УКАЧИН**

**НА
МОЕЙ
ВЗГЛЯД...**

ББК 84Р7

Ук 41

Редактор В. Казаков

Художественное оформление В. Кошкарлова

Макет художника-вклейки В. Еврасова

Укачин Б. У.

Ук 41 На мой взгляд: Публицистика, очерки, стихи, воспоминания, литературные миниатюры. (Вступительное слово — автора). Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1996.— 416 с.

Самобытному, известному алтайскому писателю Борису Укачину всегда есть что сказать читателям. В новой и первой подобного рода своей книге алтайский поэт, прозаик и публицист отстаивает свое понимание как чисто творческих проблем, так и проблем национальных, делится своим восприятием творчества других известных писателей, размышляет об истоках национальной культуры, в том числе и алтайской.

У 4702010202—05

М 138(03) 96

ISBN 5-7405-0209-8

ББК84Р7

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Розовые, красные, белые, синие, бархатисто-голубые — какие тут замечательные цветы! Это можно увидеть только в мечте и волшебном сне поэта... Цветы, цветы, куда ни взгляни, всюду живые и удивленные. Они радуют глаза и душу. Рядом, почти под твоими ногами, чистая и журчащая гладь воды — лазурное зеркало древнего Алтая — Алтын-Кель. Мягко переливаются его очарованные бездонностью неба волны. Иногда они мне кажутся снежными барсами, вышедшими на волю и под лучами тихого осеннего солнца играющими на поляне, барахтаясь друг с другом.

Теплынь. Ясно. Не оттого ли алтайское небо так высоко, безукоризненно чисто. Разве что на миг загорая живая солнце и бросая на большое лицо земли и на твое лицо легкую тень, проплывет лишь могучий беркут — подоблачный хозяин задумавшихся гор.

Вдалеке дымчатые горы-великаны. Они, словно вечные стражи алтайской эрдине-жемчужины и благоухающей осенней тишины. Нет, они, скорее, тени древних богатырей — Алтай-Бучая, Алып-Манаша, Маадай-Кара и других. Они встали в многовековой караул красоты и земного покоя.

Протяни руки, и кончиком пальца сейчас же заденешь лепестки какого-нибудь цветка. Каждый из них вырос из-

под теплой ладони человека. Прикоснулась рука человека-труженика и ожила, проснулась земля. И не только земля — камни ее, мхи, даже старые пни. Ожили и молча рассказывают были о доброте человека.

В саду Лилии Юрьевны Жебровской проникаешься высокой музыкой. Он стоит над каменистой бухтой Телецкого озера.

С хозяйкой этого поистине волшебного сада мы сидим на летней веранде, что каким-то чудесным образом висит на прибрежной скале прямо над озерными волнами. Веранда эта, конечно, появилась не без выдумки человека-художника. Построил ее Михаил Дмитриевич Холод — генерал в отставке, вот уже несколько лет живущий тут, среди тишины и первозданного покоя. Сожалею, что к моему прибытию на Телецкое генерала дома не оказалось. Он уехал отдыхать и подлечиться на курорт в Крым. А у меня была мысль, попытаться писать очерк о ветеране войны, с которым познакомился в прошлом году во время совместной поездки по Турачакскому району.

Хотя хозяина нет, но мне показалось, что он как-то незаметно присутствует рядом, ибо всюду видны дела его рук.

— Веранду эту построил он, — говорит Лилия Юрьевна, — один носил бревна, тес и вот эти большие чурки.

Я так же узнал, что генерал не любит для дров валить деревья. Вместо этого им используется «плавник», что ежедневно подкатывают волны Телецкого озера. Достаточно его, так сказать, «выудить» и высушить прямо на берегу.

Труд Михаила Дмитриевича и Лилии Юрьевны, безусловно, не легкий и не праздный. Он граничит с человеческим вдохновением и красотой. Я не зря сказал, что тут цветут не только земля, но и камни, которые к тому же умеют и петь. Посмотрите на эти голубые плиты, что звенят под вашими ногами, когда вы идете по аллеям сада. Их много, несколько тонн. Добыл их Михаил Дмитриевич со дна озера и умело, с художественным вкусом, разложил по аллеям, собрал просто кругами среди цветов и растений, там и тут воткнул их в землю, еще больше украсив интерьер сада. Я слышал, что примерно, такие же сады есть в Японии, и что японцы очень гордятся.

Камни поют не только здесь. Они еще звонче и прекраснее звучат в Чири, на другом конце Телецкого

озера, там, где вот уже пятьдесят лет цветет и плодоносит сказочный сад Николая Павловича и Доры Захаровны Смирновых. Но о них разговор особый...

Не скрою, мне бы хотелось, чтобы обратили внимание мои земляки-алтайцы, живущие в Челушманской долине на эти мои заметки и услышали песни яблонь и голубых камней, воспевающих славу человеческому труду и мудрости его рук.

Итак, мы говорим с Лилией Юрьевной Жебровской. Эта пожилая женщина много видела на своем веку. Очень интересно ее слушать. У ней ясный и открытый лоб, чуть печальные глаза. Мне показалось, что они, как бы опережают слова ее и рассказывают и таят, и в то же время выражают многое. Они живые, глубокие и мудро заинтересованные.

В ее саду невольно привлекает внимание одна из клумб. Семена цветов были заложены внутрь буреломного пня. И вот выросли они, словно из живого волшебного дерева. Смотрят удивленно, как только что, в это самое росное утро, появились. Чтобы на миг взглянуть на пробуждающийся голубой мир, на лучи солнца, медленно встающего из-за зеленых гор и впадин. А потом, насмотревшись на новизну мира, опять исчезнуть для того, чтобы наутро снова восхищенно раскрыть глаза и любоваться всей большой природой и человеком на земле.

— Это «Лилия Тибетская», — говорит Лилия Юрьевна, — с белыми форматными цветами, а между ними выглядывают «Анютины глазки» — темно-голубые, темно-фиолетовые и тут же красавица-ромашка.

Они тихо качаются на своих тонких «ножках» и так же тихо лепечут на своем цветочном языке, как бы узнав хозяйку и радуясь ее появлению. Тут я замечаю и убеждаюсь, что глаза Лилии Юрьевны очень уж похожи именно на анютины глазки...

Теперь небольшое деловое отступление, поясняющее историю цветов и сада в Яйлю. Ведь без истории ничего не бывает.

История же эта, как известно, связана с именем Дмитрия Степановича Рачкина и уходит в тридцатые годы. Именно тогда, впервые здесь на возвышенности его руками посажены были около ста саженцев, будущего фруктового сада. Усилием Дмитрия Степановича вспахана была и первая борозда и первые капли его соленого пота оросили эту каменистую, непослушную землю. Он был настоящим инициатором-мичуринцем. Подвиг человека,

заложившего прекрасный сад среди диких алтайских гор, донныне не забыт и не забудется, ибо такие же оазисы цветут и благоухают на плоскогории Беле, миниатюрном полуострове Чири.

— Нельзя скрыть, — говорит Лилия Юрьевна, бывший селекционер Яйлюнского сада, — мы стоим на грани гибели фруктовых насаждений, что на территории нынешнего заповедника. Заповедник, конечно, дело благородное, но сад...

— Но сад не радость, а тягость нашему заповеднику, — объяснил мне другой житель поселка Яйлю, коммунист-пенсионер Николай Иосифович Шутков, который долгое время работал лесником, потому хорошо знает не только всю многотрудную историю здешнего сада, но и всей Прителецкой тайги и каждого человека, обосновавшего свою жизнь в ней. Прямо скажем, что начальство заповедника много «мудрило», а теперь пришло к такой хитрости, — сад этот в их бумагах, что отправляются в вышестоящие органы, числится, как лесные, дикорастущие культуры, поэтому им дозволяется списывать его, т.е. тихо, незаметно, с каждым годом понемногу. Ведь им невыгодно указывать, что фруктовые культуры ежегодно плодоносят. Тогда бы им не разрешили списывание...

— Интересно, почему руководство заповедника так поступает? ..

— Считают обременительным — вот и весь секрет, — сказал старый коммунист, — надо выполнять план, ставить дело на научную основу, как это полагается по закону садоводства.

— А было как?

— К моменту организации заповедника тут располагался леспромхоз. Директором его работал в то время Константин Иванович Рослик. О нем вспоминают, как о большом любителе и энтузиасте садоводства. Тогда и планировалось заложить по всему побережью Телецкого озера 500 гектаров плодоносящего сада. Эта благая идея в то время поддерживалась всеми. Тогда приехала сюда, в Яйлю, из Барнаула Лилия Юрьевна Жебровская, чтобы стать агрономом-селекционером садов Прителецкой тайги.

— Тут была соковыжималка, — говорит Лилия Юрьевна, — теперь она так и лежит заброшенная...

— Да, — подтвердил это и Николай Иосифович Шутков, при этом добавив и такую, на мой взгляд, немало важную деталь: — Тогда фрукты обрабатывались тут же, на месте, и отправлялись на Турачакский винзавод.

Хорошо помню, что в 1967 году наш сад дал 118 тонн различных фруктов и получил прибыль где-то в пределах 18 тыс. рублей. Скажите, разве это дело не нужное для района и области?

Судьба садов ныне находится под угрозой гибели. Судите сами, из 127 гектаров сегодня осталось не более сорока, да и те плохо обрабатываются, нет обновления, нет подсадки и т.д.

— Саду нужен уход, как растущему ребенку,— подтверждает и Лилия Юрьевна,— ведь живой организм, так же, как человек, и дышит, и радуется, когда за ним следишь.

После этих встреч и разговоров я понял ту несказанную печаль, которая спряталась в глазах Лилии Юрьевны.

— Сюда приезжают люди с «чемоданным» настроением,— высказывает наконец причину своей боли Лилия Юрьевна,— им, говоря честно, не нужны богатства тайги, ни сад, ни красота. Большая текучесть руководящих кадров — вот где корень всех неурядиц...

Да, это так. Но мне, все-таки непонятно, хотя кадры заповедника не подчиняются местным властям, но ведь есть же партийные органы, где состоят на учете его работники. Почему бы, например, Турачакскому райкому не поинтересоваться судьбами садов, находящихся на территории района?..

А теперь после делового отступления, давайте снова вернемся к началу очерка, к человеку, творящему красоту,— к Лилии Юрьевне Жебровской. Она — поэт труда и земли. Поэт — всего прекрасного под голубым небом Прителецкой тайги.

— Мы к красоте не равнодушны,— тихо говорит она. И в этих словах, в интонации ее нет никакой ни позы, ни гордыни. Так она привыкла с детства — творить красоту и жить ею.

Потом я заметил, что во всем их хозяйстве, кроме цветов и деревьев, ничего другого нет. Даже кошки.

— У нас три богатства,— продолжает Лилия Юрьевна,— Цветы, деревья и ... книги.

У них действительно большая библиотека, очень много редких книг по садоводству, военной науке да и немало художественной литературы.

— Любовь к цветам, отсюда к садоводству ко мне перешла от матери,— продолжает Лилия Юрьевна.— Мы

до войны жили в селе Белокуриха Алтайского края. Любили выращивать цветы...

Выяснилось, что по деду и матери она латышка. Приехали на Алтай давно, еще до революции. Ее дед Федор Эрнстович всю жизнь работал кузнецом. Хорошо знал свое дело, был в почете среди рабочего люда. Потому что был опять же поэтом. Поэтом железа, мастером кузнечного цеха. Соседи его почему-то звали Федором Горнастаевичем, а не Эрнстовичем. Жил он долго, трудился много и в памяти людей остался Федором Горнастаевичем.

Мать Лилии Юрьевны — Мильда Федоровна жива и здорова. Живет с дочерью. Я ее, глубокую старушку, видел не раз, как она ходит среди бесчисленных цветов и деревьев, то подрезая что-то, то подправляя подставки под помидорами. Видать, без дела не может сидеть, привыкла трудиться, общаться с красотой.

— Красота, — утверждает Мильда Федоровна, — сотворенная вдохновением человека, не может исчезнуть бесследно и тем более погибнуть от его же руки.

В этих словах, мне думается, есть большой смысл, относящийся к судьбе Яйлюнского сада.

Мы с Лилией Юрьевной идем по ее усадьбе. Она рассказывает мне о себе и каждом цветке и дереве. В начале сороковых годов Лиля поступила в Омский сельскохозяйственный институт. Закончив его, приехала в Горно-Алтайск и стала работать в школе садоводов, которая в то время была при нынешнем зооветеринарном техникуме. Затем, когда эту школу перевели в Барнаул, стала селекционером по выведению новых сортов в Горно-Алтайской плодово-ягодной станции. Работала вместе с академиком М.А. Лисовенко.

— В общем, вся моя жизнь отдана саду и цветоводству... А тут, в Яйлю, лучше всего растут многолетние цветы. Например, ирисы, люпины. Приглядитесь к ним, — раскинула она руки, застенчиво улыбаясь.

Отовсюду на меня смотрели цветы, — розовые, синие, красные. Любо смотреть, радостно и легко дышать. Приятно смотреть и на Лилию Юрьевну, когда она улыбается и счастлива своим трудом. В этот момент с ее лица исчезают тени усталости и печали...

Осень — какое удивительное время у нас, в горах. И особенно она прекрасна цветочным половодьем. Куда ни взгляни, всюду цветы, и все одинаково прекрасны.

— Нет, — мягко возразила Лилия Юрьевна, — у каж-

дого из них свой характер. Для примера возьмите хотя бы эту герань. В простонародье ее зовут «Цветком рабочих окраин». Особенно интересен сорт «Метеор». Его надо поливать почти горячей водой. А как он цветет! .. Иногда до 20—30 бутонов дает.

Интересна ее «лекция» про цветы. Опыт жизни и уроки ее поучительны. Кстати, в связи с «Цветком рабочих окраин» Лилия Юрьевна вспоминает о том, как садоводство и вообще все прекрасное, окружающее нас, помогает людям жить, становится чище, освобождаться от дурных привычек. Когда она работала на барнаульской опытной станции по садоводству, в свободные часы приходила на помощь труженикам завода, чтобы научить их ухаживать за своими садами, делать вовремя прививки, подрезки, подкормку. По ее мнению, особенно людям больших промышленных предприятий очень нужны сады. В свое время она брала шефство, например, над садами рабочих барнаульского завода «Трансмаш» и сама стала свидетельницей, как люди влюбляются в цветы.

— Поверьте мне, — утверждает Лилия Юрьевна, — на моих глазах многие рабочие стали смотреть на жизнь по-другому, ценить красоту научились. Большинство тех, кто увлекся садоводством навсегда бросили пить. Дело ясное — после трудного рабочего дня человек тянется к свежему воздуху, тишине и природному раю. А там надо работать, покопаться — некогда, как говорится, заглянуть в рюмку.

Штрих за штрихом мне довелось узнать много интересного из жизни простой и скромной женщины. Наша жизнь и наши дни замечательны наличием именно вот такой нежной и ко всему участливой души людей.

— В Яйлю любят цветы, — с какой-то тайной гордостью сказала она, — много у нас цветочных садов. Вы сходите и посмотрите цветы у Альчи и Аксины Туймешевых...

Когда я пришел к Туймешевым, там, возле их домика, толпились и пестрели многообразные цветы. Среди цветов и зелени сидел сам Альчи Туймешев, шестидесяти с лишним лет старик. Он и его жена Аксиныя Николаевна, когда я заговорил о цветах, почти в один голос сказали о том, что сажать цветы и ухаживать за ними их семью научила Лилия Юрьевна Жебровская.

— Она организует выставки цветов, — добавила ко всему Аксиныя Николаевна. — Например, в прошлом году выставка была в Иогаче, при тамошней школе. И наши

дети со своими цветами заняли первые места. Не оплошали. Спасибо Лилии Юрьевне...

— Она Турачакскую школу обеспечивает семенами и корешками цветов,— сказали мне в Яйлюнской почте,— все это она дает детям бесплатно, а мы со своей стороны ее посылки принимаем тоже бесплатно...

Эти признания, как мне кажется, лучше всего характеризуют людей, плененных красотой. У них единый порыв — сделать жизнь интересной, воспитать людей доброй и высокой души.

Цветы Лилии Юрьевны украшают приусадебные участки начальника Телецкой озерной станции Валентина Васильевича Селегея, пенсионерки Зои Владимировны Гладковой и многих других...

Как прекрасна земля, которой коснулась рука человека! Вот посмотрите хотя бы и на эти два вида дуба — монгольского и летнего, со сбрасывающими листьями. А кроны их какие могучие, шумят и качаются под куполом прителецкого неба. Дальше — клен приречный, бархат амурский, орех маньчжурский,— все для жизни и радости.

— Уделите внимание вот этой красавице,— приостанавливается Лилия Юрьевна возле единственной в ее саду голубой ели,— ей нынче будет четырнадцать лет. Одинокая сестра кремлевских голубых елей, как видите, хорошо приютилась на скалистом берегу Алтын-Келя. Я ее привезла из Барнаульского питомника. Надо бы рядом с ней посадить еще одну, чтобы она не скучала... Да, понимаю,— вдруг вырвалось у ней,— надо спешить...

Спешить — куда?.. И тут-то мне вспомнились строчки стихотворения известного русского поэта Александра Яшина о том, что не надо откладывать на завтра то, что можно выполнить, успеть сделать сегодня. Конечно, стихотворение это не только об этом, оно многопланово, говорится в нем о многих жизненных сложностях. Но все же, все же... Помните, как поэт «мечтал о многом, много обещал... в блокаде ленинградской старика от смерти б спас, да на день опоздал, и дня того не возвратят века... Спешите делать добрые дела...»

Путешествуя по Телецкому озеру, мне приходилось встречаться со многими замечательными людьми, которые обживают дикую тайгу. От прикосновения их животворных рук преобразилась земля и на ней сам человек. Один из таких самоотверженных людей, конечно, Лилия

Юрьевна Жебровская — женщина души высокого и поистине поэтического свечения.

Оттуда, скажу честно, привез я в душе не только радость общения с добрыми людьми, но и печаль, особенно о судьбе садов прителецкого плато. Им надо помочь, и это не надо откладывать надолго.

Спешите, люди, делать добрые дела!..

1976 г.